

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-113-137

А.Г. Цыпкина

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПРОЕКТА АКАДЕМИКА В.А. СТЕКЛОВА

A.G. Tsyapkina

THE HISTORY OF AN UNREALIZED PROJECT BY ACADEMICIAN V.A. STEKLOV

Аннотация. Создание и ликвидация Особого временного комитета науки (1922–1924) уже исследовались. Однако в научный оборот не была введена большая часть относящихся к этой теме документов, а сама она рассматривалась в отрыве от взаимоотношений Академии наук с Наркомпросом в целом и Главнаукой в частности, что привело к некоторым искажениям. Настоящая статья воссоздает контекст событий и введением в научный оборот новых архивных документов устраняет лакуны, образовавшиеся из-за рассмотрения только верхнего пласта документации. 1923 год в отношениях Академии наук и Наркомпроса стал переломным: Наркомпрос ревниво относился к праву Академии наук иметь особую смету и некоторую самостоятельность в решении научных вопросов. Особенно остро эти противоречия и претензии Наркомпроса на полную власть над Академией наук проявились, когда Наркомпрос и Главнаука стали оспаривать прежде полученные Академией благодаря Особому временному комитету науки льготы. Острая фаза конфликта Академии наук с Главнаукой была так или иначе улажена в начале 1924 г., однако последующее возникновение в Со-

---

Цыпкина Анна Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Наука и научная политика в индустриальных и постиндустриальных обществах» Института всеобщей истории РАН

Tsyapkina Anna Georgievna, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Laboratory “Science and Science Policy in Industrial and Post-Industrial Societies”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

anna021090@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5267-7924

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-00097 «Академия наук и органы власти: особенности, принципы и способы взаимодействия в XX в.»).

This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-78-00097 “Academy of Sciences and the Authorities: Features, Principles and Methods of Interaction in the 20th Century”).

внаркоме вопроса о том, Совнаркому СССР или Совнаркому РСФСР должен подчиняться Особый временный комитет науки, скорее всего, было связано именно с противоречиями между Академией и Главнаукой. Затеянное юридическое обсуждение вопроса о превращении этого комитета в постоянный и всесоюзный привело к его ликвидации, при этом за формальными возражениями скрывались сущностные, о которых не говорилось напрямую. Автор высказывает и обосновывает мнение о том, что подобные действия были частью одной политической линии как с одной стороны, так и с другой, имели системный и стратегический характер. В результате реализации подобной политики СССР на долгие годы остался без крайне эффективного координирующего и наделенного в том числе исполнительной властью органа управления наукой в масштабе всей страны.

Ключевые слова: Особый временный комитет науки, всесоюзный орган управления наукой, Академия наук, Наркомпрос, В.А. Стеклов, Совет народных комиссаров СССР, М.Н. Покровский, А.Е. Ферсман, П.П. Лазарев, А.И. Рыков, Л.Б. Красин, Б.П. Нестеров.

Abstract. The creation and dissolution of the Special Temporary Committee for Science (1922–1924) have already attracted scholarly attention. However, most of the relevant documentation has not yet been introduced into scholarly circulation, and the issue has often been examined in isolation from the broader relationship between the Academy of Sciences and Narkompros, and in particular Glavnauka, which has led to certain distortions. The present article reconstructs the context of these events and, by bringing new archival documents into circulation, fills the lacunae created by consideration only of the upper layer of the documentation. The year 1923 marked a turning point in relations between the Academy of Sciences and Narkompros. Narkompros jealously guarded its prerogatives with regard to the Academy's right to a separate budget and a measure of autonomy in scientific matters. These tensions, and Narkompros's claims to full power over the Academy, emerged with particular sharpness, when Narkompros and Glavnauka began to challenge the privileges previously granted to the Academy through the Special Temporary Committee for Science. The acute phase of the conflict between the Academy and Glavnauka was settled, in one way or another, in early 1924. The subsequent discussion in the Sovnarkom over whether the Special Temporary Committee for Science should be subordinated to the Sovnarkom of the USSR or that of the RSFSR was likewise rooted in these contradictions. The legal deliberations on transforming this committee into a permanent, all-Union body ultimately led to its liquidation, yet behind the formal objections lay substantive considerations that were not articulated openly. The author argues that these actions formed part of a single political line and possessed a systemic and strategic character. As a result of this policy, the USSR for many years lacked a highly effective body for the coordination and executive administration of science on a countrywide scale.

Keywords: Special Temporary Committee for Science, all-Union organ of science governance, Academy of Sciences, Narkompros, V.A. Steklov, Council of People's Commissars of the USSR, M.N. Pokrovskiy, A.E. Fersman, P.P. Lazarev, A.I. Rykov, L.B. Krasin, B.P. Nesterov.

Деятельность вице-президента Академии наук СССР академика В.А. Стеклова уже освещалась в научной литературе, однако недостаточно подробно. Выдающийся математик и механик, В.А. Стеклов одним из первых понял необходимость сотрудничества Академии с большевиками. Однако интерес историков прежде всего к представителям гуманитарных специальностей породил некий перекося в изложении истории Академии наук начала века. Все достижения тех лет были приписаны в основном востоковеду С.Ф. Ольденбургу, хотя вести переписку от лица всей Академии наук было его обязанностью как неперемного секретаря. Исследователи хотя и отмечали выдающиеся заслуги В.А. Стеклова в налаживании диалога с властью, но далее общих фраз, краткого перечисления заслуг¹ и редких ссылок на воспоминания² дело практически не шло. Математики более определенно оценили заслуги В.А. Стеклова³, однако к архивным документам никто из них, видимо, не обращался, ограничиваясь анализом доступных в печати сведений и фокусируясь в основном на его научных открытиях.

В.А. Стеклов принял на себя заботу об Академии наук в один из самых сложных периодов ее существования, когда она оказалась практически на грани вымирания. Ему принадлежит заслуга в получении для Академии продовольственных карточек и пособий, именно он смог договориться о пайках⁴. Стеклов активно создавал новые институты в Академии⁵, для которой добился всесоюзного статуса⁶, был «архитектором» 200-летнего юбилея Академии наук,

¹ Кольцов А.В. Академик В.А. Стеклов — вице-президент Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1959. Вып. 7. С. 107–112.

² Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922 гг. СПб., 2020.

³ Демидов С.С. Владимир Стеклов — математик на рубеже эпох // Труды Математического института имени В.А. Стеклова. Т. 289. М., 2015. С. 17–30; Козлов В.В., Павлов В.П., Сергеев А.Г. В.А. Стеклов (1863–1926) // Труды Математического института имени В.А. Стеклова. Т. 289. М., 2015. С. 7–16.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 162. Оп. 3. Д. 46; Ф. 208. Оп. 3. Д. 562. Л. 12–13.

⁵ Есаков В.Д. От императорской к Российской. Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132; Кольцов А.В. Академик В.А. Стеклов — вице-президент Академии наук СССР; Колчинский Э.И. Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский, СПб., 2003. С. 440–549; Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Указ. соч.; Кольцов А.В. Неравноправный брак по расчету // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 480–499.

⁶ Цыпкина А.Г. Прения о всесоюзном статусе Российской академии наук (1925) // Российская история. 2024. № 6. С. 95–102.

организованного как всесоюзный праздник⁷. В налаживании контактов с властью Стеклову помогло и то, что они с В.И. Лениным понравились друг другу. Воспоминания об их встрече были описаны А.М. Горьким, она не раз упоминалась биографами ученого⁸. Через день после этой встречи Ленин просил Горького спросить Стеклова, будет ли он работать с большевиками, надеясь с его помощью «перетянуть» «всех русских и европейских архимедов», — и «тогда мир не хочет, а перевернется»⁹. В.А. Стеклов писал о В.И. Ленине: «Ленин обладал редкой способностью проводить в осуществление раз намеченную им цель, выбирая для этого средства наиболее целесообразные для данного места и времени»¹⁰. С точки зрения вице-президента Академии наук, именно эти качества, необходимые для успешного политического деятеля, и позволили Ленину занять лидерскую позицию.

А.В. Луначарский впоследствии вспоминал о личных указаниях от Ленина Наркомпросу «относиться к академии бережно и осторожно»¹¹. Однако такой завет «вождя пролетариата», как показывают документы, исполнялся с большим трудом. В своих воспоминаниях Стеклов напишет, что Наркомпрос, «не имея в своей среде людей государственного масштаба»¹², чинил для Академии наук всяческие препоны, которые, хотя и не имели принципиального характера¹³, но отнимали много времени и сил на их решение. Частично преодолеть бюрократические затруднения удалось благодаря созданию Особого временного комитета науки.

О Комитете науки при Совнаркоме была опубликована статья В.Н. Макеевой¹⁴, однако тема не получила достаточного продолжения в научной литературе. Историческая канва, контекст принятых решений и причинно-следственные связи не были воссозданы в пол-

---

⁷ Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991 (Научное наследие. Т. 17). С. 297. Это подтверждается и документами, см.: СПбФ АРАН. Ф. 162 и др.; см. также: Лиманова С.А. «Настала, кажется, пора воплощать в жизнь... слова о первенствующем значении науки для преуспевания народной жизни». Документы о праздновании 200-летия Российской академии наук в 1925 г. // Отечественные архивы. 2024. № 2. С. 81–89.

⁸ Игнациус Г.И. Владимир Андреевич Стеклов. 1864–1926. М., 1967.

⁹ Цит. по: Там же. С. 95.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 184. Стеклов о Ленине [1924–1925 гг.].

¹¹ Владимиров В.С., Маркуш И.И. Владимир Андреевич Стеклов — ученый и организатор науки. М., 1981. С. 66.

¹² Стеклов В.А. Указ. соч. С. 293.

¹³ Там же.

¹⁴ Макеева В.Н. Комитет науки при Совнарком в 1922–1924 гг. (неопубликованные документы) // Вестник Академии наук СССР. 1966. № 5. С. 110–114.

ном объеме, в том числе по причине использования ограниченного комплекса документов. Так, вне поля зрения остались взаимоотношения Академии наук с Наркомпросом и их влияние на создание и ликвидацию Комитета науки, не были привлечены в достаточной мере документы из личного фонда В.А. Стеклова¹⁵. Этот пробел был заполнен только частично в исследовании М.С. Бастраковой, которая не касалась причин ликвидации комитета¹⁶. Между тем в архиве Стеклова сохранились не только копии его ответов и постановлений правительства, разбросанных по разным фондам и архивам¹⁷, но и черновики писем, скорее всего, не сохранившиеся в беловиках, что позволяет лучше реконструировать ситуацию.

В марте 1922 г. от Академии наук был подан проект организации при СНК Особого временного комитета науки. В.А. Стеклов был одним из его инициаторов: «Мне пришлось добиться свидания и переговорить откровенно со многими руководителями современной политики — с А.Д. Цюрупой, А.И. Рыковым, Л.Б. Красиным, Л.Б. Каменевым, Н.А. Семашко, — писал В.А. Стеклов в своих воспоминаниях. — В результате добились соответствующего постановления Совнаркома, на заседании которого я лично защищал наш проект. Комитет науки сблизил академию с выдающимися представителями власти»¹⁸.

Этот Временный комитет науки состоял из представителей наркоматов¹⁹ и академии. Он созывался по мере необходимости и в свой первый год существования (1922 г.) должен был решить первоочередные задачи Академии наук — такие, как финансирование и налаживание контактов с заинтересованными ведомствами. Таких ведомств, учитывая «разделение России [Российской империи] на республики», было много по всей территории СССР. «На комитет было возложено выяснение научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер зампредсед-

---

¹⁵ Окунева М.О. «Интересы научных исследований отдельных частей Союза будут полностью обеспечены»: Конституция 1924 г. и управление советской наукой // Неприкосновенный запас. 2024. № 6 (158). С. 121–132.

¹⁶ Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973. С. 259–265.

¹⁷ См., например: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7; Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1165 и др.

¹⁸ Стеклов В.А. Указ. соч. С. 294.

¹⁹ «Учредить при СНК Особый временный комитет под председательством зампредсовнаркома в составе представителей наркоматов: Наркомпроса, Наркомфина, Наркомвнешторга и ВСНХ из числа членов коллегий указанных наркоматов и трех представителей науки, назначаемых СНК». Постановление Малого Совнаркома. СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 10.

совнаркома А.И. Рыкова»²⁰. Комитет был создан для осуществления «наиболее важных научных изданий», выяснения «неотложных потребностей научных экспедиций и командировок» с «правом непосредственного доклада Совнаркому и его председателю» и правом непосредственного обращения по делам науки ко всем наркоматам. В подготовленном Академией наук проекте постановления СНК было также предложено, чтобы комитет «имел право срочной выработки декретов, касающихся науки, и право представления их к срочному утверждению Совнаркома»²¹. 10 мая 1922 г. Малый Совнарком постановил учредить при СНК Особый временный комитет науки. Хотя «непосредственные сношения с наркоматами» были предоставлены комитету как привилегия, в особый пункт было выделено, что «комитет осуществляет возложенные на него задачи посредством аппарата Наркомпроса при содействии соответствующих наркоматов»²². Так властями снова подчеркивалась роль Наркомпроса.

Поскольку изначально Рабоче-крестьянская инспекция и Наркомат по иностранным делам²³ вынесли отрицательное заключение по делу создания такого комитета («функции которого выполняются другими уже действующими органами власти»²⁴), чтобы он «не дублировал» функции Наркомпроса, М.Н. Покровский как заместитель наркома просвещения и руководитель Главнауки И.И. Гливенко прислали специальное письмо в Рабоче-крестьянскую инспекцию, в Наркомат иностранных дел и в Малый Совнарком. В нем они написали, что «существование учреждения, обладающего большими практическими полномочиями, имеющего возможность не только устанавливать необходимость тех или иных мероприятий, но и имеющего право проводить эти постановления в жизнь», является насущной необходимостью²⁵. Положение русской науки в этом письме было «признано катастрофическим», «причины такого упадка» авторы письма видели в «недостатке средств», «недостаточном сознании колоссальной государственной важности науки для страны» и особенно в «отсутствии своевременной и организованной помощи»²⁶.

---

²⁰ Там же. Л. 20. Записка Стеклова о деятельности Комитета науки.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Там же. Л. 10.

²³ Наркомат по иностранным делам в лице наркома Г.В. Чичерина будет также выступать против создания всесоюзной Академии наук. См.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 54. Л. 25.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 5. Заключение от 27 апреля 1922 г.

²⁵ Там же. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Л. 9.

В письме подчеркивалось, что «без научной основы не может существовать никакое производство»²⁷.

После такого письма, подписанного представителями конкурирующего ведомства²⁸, в начале мая 1922 г. проект наконец получил одобрение. Предстояло его утверждение в Большом Совнарком. 17 мая В.А. Стеклов, узнав на вокзале от А.Е. Ферсмана о возможных затруднениях в принятии проекта (финансовые опасения), прислал А.И. Рыкову письмо²⁹ с объяснением мотивации создания такого комитета и его необходимости для организации науки. Стеклов сообщил Рыкову, что комитет создается в первую очередь не для получения финансирования, хотя он «считает своей священной обязанностью как вице-президента» «поддерживать финансовые заявки» Академии, самой первой и важной целью Особого временного комитета науки он назвал «вопросы чисто организационного характера»³⁰, оперативное решение которых без исполнительной власти невозможно. Главной задачей Стеклов считал устранение чиновной и бюрократической волокиты, которая «пресекает всякую научную работу»³¹.

Представителями Академии наук в комитете были В.А. Стеклов, А.Е. Ферсман и П.П. Лазарев. В случае невозможности представителя Академии посетить заседание заместителем назначался С.Ф. Ольденбург, но такой случай ему не представился, потому что Стеклов присутствовал на всех заседаниях комитета. Предстояло восстановить и наладить работу сети сейсмических станций и метеорологической службы, получить деньги на празднование юбилея, ремонт зданий и необходимое строительство. На заседаниях комитета В.А. Стеклов взаимодействовал с такими видными политическими деятелями, как Каменев, Рыков, Красин, Луначарский и др. Изначально предполагалось, что возглавлять комитет будет заместитель председателя СНК. За один год было сделано столько, что секретарь и управделами комитета Б.Н. Нестеров предложил Стеклову написать целую статью в «Известия ВЦИК»³², которую он предполагал опубликовать в виде интервью. В этой статье Стеклов отмечал, что сделанные Академией предложения «получили единодушное одобрение», а он

---

²⁷ Там же. Л. 9 об.

²⁸ Конкурирующего — с точки зрения Главнауки. Представители Главнауки присутствовали на заседаниях Особого временного комитета науки. См.: ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 593; СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 12–13 об.

³⁰ Там же. Л. 12 об.

³¹ Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 353. Л. 10.

³² Там же. Л. 31 об.

как вице-президент «получил полномочие войти по этому вопросу в соглашение с Наркомпросом, заручиться поддержкой Главнауки и провести проект в качестве особого декрета в Совнарком. Мысль об учреждении Комитета науки была одобрена Главнаукой, не встретила особых возражений со стороны других наркоматов», а также была поддержана А.И. Рыковым, А.Д. Цюрупой, М.И. Калинин³³. 7 июля 1922 г. уже на заседании комитета «рабочий аппарат» Особого временного комитета науки было решено «выделить из секретариата зампреда СНК и СТО³⁴ А.И. Рыкова»³⁵.

За два года существования комитетом была проведена большая работа. Осуществлена «правильная и планомерная организация научных экспедиций, научных командировок ученых за границу», поводился «обмен изданиями между учеными учреждениями России и за границей», были облегчены «почтовые и телеграфные сношения с научными целями, цензурные формальности при обмене изданиями, перевозки грузов с научными принадлежностями, беспошлинное получение из заграницы книг, инструментов, реактивов», отрегулировался «отпуск золотой валюты», началось «правильное по степени важности ее распределение между учеными учреждениями»³⁶. Академия и некоторые другие учреждения Наркомпроса получили «право непосредственного сношения с такими же учреждениями других стран», а также ряд льгот: «бесплатные перевозки обмениваемых изданий по железной дороге», «беспошлинный их ввоз», возможность «получения известного числа экземпляров непосредственно в собственный адрес без цензуры» и экземпляра «всех изданий, выходящих за границей на русском языке, по новым спискам, утверждаемым Главлитом»³⁷. По поручению Совнаркома совместно с редактором-консультантом СНК и СТО СССР Н.И. Бернштейном В.А. Стеклов составил инструкцию Наркомпочте³⁸.

Сильной стороной Стеклова как администратора и организатора науки было то, что он не игнорировал предложения и задачи власти так, как она их понимала, но обоснованно и ненавязчиво предлагал свое решение. Так, Стеклов писал, что Временный комитет науки, включающий в себя специалистов высокого уровня, может принести пользу и в вопросе сокращения штатов, который

---

³³ Там же. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 20.

³⁴ Совет труда и обороны.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 22.

³⁷ Там же. Л. 22 об.

³⁸ Стеклов В.А. Указ. соч. С. 297.

стал особенно актуальным накануне 1923 г.: «В первую очередь мы предполагали поставить решение спешного и практически весьма важного вопроса о сокращениях как штатов, так и самых ученых учреждений страны. Здесь пока царствует полный хаос. Так называемые ученые учреждения возникли в последнее время во множестве при всех наркоматах, и сейчас даже не имеется точного их учета. <...> Несомненно, среди них немало “дутых”. <...> Попытки <...> произвести этот подсчет обычным ведомственным порядком потерпели полную неудачу. Только Комитет науки, <...> снабженный сверхведомственными полномочиями, мог бы <...> справедливо и безболезненно разрешить задачу о необходимых при настоящих условиях сокращениях»³⁹.

Через Временный комитет науки были проведены сверхсметные ассигнования (на ремонт, строительство, подготовку и празднование юбилея, издательство, книгообмен)⁴⁰, и Наркомпрос, видимо, испугавшийся, что часть денежного потока пойдет мимо него, стал пытаться отвоевать полученные Академией через Временный комитет привилегии и льготы.

Рассмотрение взаимоотношений Наркомпроса и Академии — отдельный вопрос. В частности, в 1923 г. в процессе конфликта с Главнаукой Наркомпрос стал оспаривать право Академии наук иметь особую смету⁴¹, стал запрещать непосредственно «сноситься» с другими учреждениями внутри Союза и за его пределами, обращаться к представителям власти, минуя отдел науки Наркомпроса⁴². В обращениях и письменных заявлениях Стеклов доказывал необходимость особого статуса Академии, что в конце концов и было закреплено в Уставе АН СССР 1927 г. и даже 1930 г., что свидетельствует о том, что Академия наук одержала частичную победу. Но полной победы не получилось. Несмотря на результативность мер, предпринятых Особым временным комитетом науки, после письма начальника Главнауки Ф.Н. Петрова и руководителя отдела научных учреждений В.Т. Тер-Оганесова А.В. Луначарскому 2 января 1924 г. на специальном заседании президиума коллегии Наркомпроса, посвященном взаимоотношениям Академии наук и Главнауки, было постановлено, что «коллегия Наркомпроса и нарком по просвеще-

---

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 12 об. Письмо Стеклова Рыкову от 12 мая 1922 г.

⁴⁰ Стеклов В.А. Указ. соч. С. 297.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 12. Письмо Ф.Н. Петрова и В.Т. Тер-Оганесова А.В. Луначарскому.

⁴² Все циркуляры Главнауки от осени 1923 г. см.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172; Ф. 162. Оп. 3. Д. 3.

нию могут контролировать работу Академии наук только через свои аппараты, т.е. через Главнауку и Государственный ученый совет»⁴³. В этом постановлении прослеживается положительный ответ на попытку Главнауки разорвать отношения между Академией наук и наркомом просвещения⁴⁴.

В феврале 1924 г. именно на заседании президиума коллегии Наркомпроса было поручено заслушать проект Устава Академии наук, и 13 февраля 1924 г. на заседании СНК СССР, по-видимому, неслучайно был поставлен вопрос о том, к какому органу отнести Комитет науки («к СНК РСФСР или СНК СССР»⁴⁵) — как главную конфликтующую с Наркомпросом организацию. Дело закончилось ликвидацией Комитета науки 12 июля 1924 г., несмотря на все представленные Стекловым аргументы. Было постановлено, что Особый временный комитет науки «подлежит ликвидации» как выполнивший свою задачу. Добиться его сохранения В.А. Стеклову не удалось. Комиссии в составе замнаркома просвещения М.Н. Покровского, А.П. Пинкевича (в 1920–1923 гг. — председатель Центральной комиссии по улучшению быта ученых), В.Н. Ипатьева (член Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), член Госплана, руководитель Главхима) и С.П. Середы (заместитель председателя ВСНХ) было поручено разработать проект нового органа власти «для обсуждения общесоюзных вопросов, касающихся ученых предприятий»⁴⁶. То есть комиссии, наполовину состоявшей из представителей Наркомпроса, было поручено сформировать состав нового подобного комитета. 18 июля СНК СССР тоже счел Особый временный комитет науки подлежащим ликвидации⁴⁷.

Таким образом прекратил существование орган, который, по мысли академика В.А. Стеклова, должен был состоять «из авторитетных представителей науки в непосредственном общении с высшими представителями власти» и иметь полномочия «не только устанавливать необходимость тех или иных мероприятий общего характера, но и проводить их в жизнь»⁴⁸ «без особых проволочек,

---

⁴³ Там же. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 56.

⁴⁴ См. письмо Ф.Н. Петрова и В.Т. Тер-Оганесова А.В. Луначарскому: «...непрочная связь с наркомом...». СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 11.

⁴⁵ Так начинается письмо, посланное В.А. Стекловым А.И. Рыкову и Л.Б. Красину о всесоюзном значении Комитета науки. См.: СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 90.

⁴⁶ *Макеева В.Н.* Указ. соч. С. 114.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 12–13 об. Письмо В.А. Стеклова А.И. Рыкову.

гибельных для всякого начинания»⁴⁹. Чаения Стеклова о том, что Особый временный комитет науки разовьет дальнейшую деятельность «еще шире» и принесет пользу науке и «делу хозяйственного строительства республики», не оправдались. Идеи Стеклова, что комитет «окажет существенную помощь Наркомпросу и другим наркоматам в деле организации научных исследований и их важнейших практических приложений»⁵⁰, не суждено было реализоваться.

На примере метеорологических и геофизических исследований Стеклов также говорил о важности связи науки с производством (о чем будут говорить президенты АН СССР в 1950–1960-х гг.⁵¹): «Чтобы понять важность правильных метеорологических и геофизических исследований для хозяйственной жизни страны, достаточно напомнить, что с ними связано разрешение задачи о предсказании погоды, установление точных приемов изыскания ископаемых богатств земли (преимущественно тяжелых руд), использование вод для самых разнообразных нужд, как то: навигация, орошение, исследование причины землетрясений и в идеале их предупреждение и т.п. В правильной постановке этих исследований одинаково заинтересованы земледелие, пути сообщения, горное дело, морское и военное ведомства, авиация, торговля и промышленность, лесоводство и т.д.»⁵². Но эти аргументы остались не до конца учтенными.

Пройдут годы, прежде чем руководство страны поймет насущную необходимость создания такого органа управления — «с авторитетом государственного положения и с авторитетом научным»⁵³ одновременно, — который помогает координировать исследования с их внедрением в промышленность, а также координировать деятельность Академии наук и министерств. Для истории Государственного комитета по науке и технике важно, что еще в первые годы советской власти подобный ему орган не только существовал, но и обладал исполнительной властью. В.Н. Макеева видела преемственность Особого временного комитета науки при СНК с Комиссией содействия научным работам при СНК СССР, учрежденной в 1926 г.,

---

⁴⁹ Там же. Л. 21 об. Письмо Стеклова Нестерову для «Известий ВЦИК».

⁵⁰ Там же. Л. 21.

⁵¹ *Цыпкина А.Г.* Президенты АН СССР о развитии науки и промышленности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 11 (133). — URL: <https://history.jes.su/s207987840029135-7-1/> (дата обращения 03.01.2025).

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 21–21 об.

⁵³ Там же. Л. 34.

а М.О. Окунева — с научным отделом⁵⁴. Точка зрения В.Н. Маковой представляется более обоснованной, но тоже не полностью. Поиск новых форм управления впоследствии займет годы. Но даже Государственный комитет по науке и технике — наиболее долго просуществовавшая подобная форма управления — был скорее консультативным советом, несмотря на всё чаще повторяющиеся жалобы об отсутствии координации⁵⁵ и прямого взаимодействия Академии наук с властью или об отсутствии «рычагов давления на министерства»⁵⁶.

Несмотря на свое поражение в этом вопросе, Стеклов добился другого принципиального решения для Академии наук — признания за нею всесоюзного статуса, а также ряда льгот, способствовавших работе, которые впоследствии были законодательно закреплены за Академией в уставе 1927 г. Однако проблема координации (которой не хватало на протяжении практически всего XX в.) взаимодействия различных наркоматов, Академии и обеспечивавших хозяйственные решения структур оставалась нерешенной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые ниже документы (докладная записка В.А. Стеклову, А.И. Рыкову и Л.Б. Красину, ответ Н.И. Бернштейна А.И. Рыкову по поводу докладной записки В.А. Стеклова и комментариев последнего Б.П. Нестерову на ответ Н.И. Бернштейна) свидетельствуют, что позиция академика В.А. Стеклова не имели ни случайного, ни формального характера, была частью общей стратегии Академии наук и опиралась на принципиальные основания.

Документы из фонда вице-президента АН СССР академика В.А. Стеклова о его предложении превратить Особый временный комитет науки в постоянно действующий Всесоюзный комитет науки публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей подлинника. Сокращения раскрыты без оговорок, количество абзацев сокращено.

---

⁵⁴ Окунева М.О. Указ. соч.

⁵⁵ См. речи М.В. Келдыша и А.Н. Несмеянова: Цыпкина А.Г. Указ. соч.

⁵⁶ Гладышева А.И. Научно-техническая политика СССР 1950–1960-х гг.: от проблемы внедрения к попыткам системного реформирования // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 4 (114). — URL: <https://history.jes.su/s207987840021221-2-1/> (дата обращения 03.01.2025).

**Докладные записки В.А. Стеклова А.И. Рыкову
и Л.Б. Красину⁵⁷**

Подано Рыкову и Красину⁵⁸. 22.02.1924 г.

В Совнаркоме СССР 13 февраля 1924 г. возник вопрос, отнести ли Комитет науки к СНК РСФСР или СНК СССР.

Постановлено запросить по этому предмету мнение Комитета науки в недельный срок.

Вопрос об организации Комитета науки и его положение в настоящее время представляется чрезвычайно важно и приобретет не только общесоюзное, но до известной степени и общемировое значение.

Временный комитет науки возник в то время, когда вновь образовавшиеся республики России⁵⁹ находились еще в периоде образования, некоторые их части были даже разобщены с центром, о союзе республик не было еще и речи.

Еще внутри центрального ядра этих республик, РСФСР, многое было не устроено, не оформлено. Поэтому был образован Временный комитет науки, захватывающий практические интересы науки в узкой области одной РСФСР и ставивший себе ближайшую практическую задачу: установить на этой территории нормальное положение науки и ее деятелей, устраняя, по мере возможности, различные ведомственные трения в организации научной жизни, выясняя путем непосредственного общения представителей науки и правительства те общие мероприятия вневедомственного порядка, которые были необходимы для поддержания должного хода научной работы, и проводя их в жизнь через высшие государственные органы.

Этот Временный комитет науки за два года своего существования оказал весьма большие услуги в деле устройства и усовершенствования научной жизни главнейших ученых учреждений РСФСР, которые, быть может, не особенно бросаются в глаза людям, не стоящим близко к деятельности ученых учреждений, но большинством работников, принимающих ближайшее участие в научном строи-

---

⁵⁷ Ряд документов и постановлений об Особом временном комитете науки был опубликован в сборнике: Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925) / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л., 1968. С. 70–76. В том числе там впервые была опубликована эта докладная записка, но без последующего обсуждения и исторического контекста, а комментарии не исчерпывали сюжет. Поскольку она печаталась по материалам другого архива, при издании не был учтен ряд существенных фактов, как, например, то, что она изначально была подана не только председателю СНК.

⁵⁸ Член ЦК ВКП(б) в 1924–1926 гг., член ЦИК 1–3-го созывов.

⁵⁹ Имеется в виду Российская империя.

тельстве, признаются весьма ценными. Благодаря ряду мероприятий, проведенных именно через Комитет науки, и оказался возможным тот подъем научной работы и то ее расширение, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Но работу государственного учреждения, подобного Комитету науки, ни в коем случае нельзя считать законченной. Временный комитет науки дал только первый толчок делу, и теперь возникает серьезный вопрос уже не о Временном комитете, разрешающем некоторые затруднения лишь внутреннего порядка, но Постоянном комитете науки при высшем объединенном органе государства — при Совнаркоме СССР. Создание такого рода комитетов стихийно вызывается восстанавливающейся жизнью не только нашей страны, но и всех других стран мира, начинающих отвыкать от кошмаров мировой войны 1914 г.

Необходимость такого рода организаций, связывающих ученые и правительственные органы различных стран, была очевидна еще за несколько лет до войны. И тогда уже начали зарождаться такого рода международные союзы, но только отдельными группами отдельных исследовательских учреждений. Так был образован Союз по метеорологии, Международная постоянная комиссия по сейсмологии, по исследованию солнца, Международный союз академий и т.п., в деятельности которых были заинтересованы не только сами ученые учреждения, объединенные по отдельным специальностям, но и правительства соответствующих стран.

Во время войны эти международные организации заглохли и частью распались, но вскоре по ее окончании начали восстанавливаться в гораздо более широких масштабах.

Таким путем, например, в 1922 г. (на международном конгрессе в Риме) различные объединения по метеорологии, сейсмологии, геодезии и т.д. соединились в один Международный союз по геодезии и геофизике (*L'Union géodésique et géophysique internationale*⁶⁰), а все подобные союзы были объединены под общим руководством Международного союза исследований (*Conseil international de recherche*), иначе говоря, Международного комитета науки, одной из задач которого является (пункт d Статута) входить в сношения с правительствами стран, входящих в совет с целью «рекомендовать» их вниманию желательность исследования различных вопросов научного и прикладного характера.

---

⁶⁰ Существует с 1919 г. и до сих пор. — URL: <https://iugg.org/> (дата обращения 05.02.2025).

Каждая страна, желающая вступить в тот или иной союз, должна обязательно и прежде всего войти в состав этого объединяющего все союзы совета, а затем уже и в члены самого союза. Каждая страна, входящая в тот или иной союз, должна образовать свой национальный комитет, при посредстве которого она и входит в союз международный.

Список государств, которые могут входить в *Conseil de recherches*, утвержденный единогласно международным конгрессом в 1919 г. и пополненный в 1922 г., содержит 19 стран, среди которых, однако, нет ни России, ни Германии.

Но исследования и наблюдения в таких науках, как метеорология, сейсмология, аэродинамика, вообще география и т.п., каждой отдельной страны, не согласованные и оторванные от таких же наблюдений других стран, объединенных общими правилами, теряют всякий практический смысл и превращаются в ненужный балласт.

Такая оторванность особенно губительна для союза наших республик, занимающих чуть не одну треть всего материка Евразии; она нарушает существенным образом и возможность плодотворной работы всех других стран, так как вырывает из их поля зрения громадные области геофизических явлений (сейсмических, метеорологических и т.п.), оказывающих иногда существенное влияние на такие же космические процессы, происходящие в других странах.

Российская академия наук, занимавшая до войны одно из первых мест в международных организациях академий, в Международной сейсмической ассоциации в Международной комиссии по исследованию солнца и т.п., сознавала крайнюю необходимость связи с международными организациями, обратилась прежде всего в центральное бюро Союза геодезии и геофизики (к проф. *Rothé*⁶¹ в Страсбурге) с частным вопросом о включении сети сейсмических станций Физико-математического института академии, восстановленных благодаря содействию Особого временного комитета науки, в Международный союз по отделу сейсмологии. Поводом послужил запрос президента этого отдела проф. *H. Turner*'a⁶² (*Oxford*) о возможности совместной работы и сотрудничества в этой области, причем он сам подчеркивал важность и необходимость такого сотрудничества для вновь созданного отдела Международной сейсмической ассоциации.

---

⁶¹ *Rothé Edmond* (1873–1942) — французский физик и геофизик, профессор, основатель и первый директор Института физики Земли в Страсбурге.

⁶² *Turner Herbert Hall* (1861–1930) — английский сейсмолог и астроном, президент сейсмологической секции Международного геофизического союза с 1922 г.

Несмотря на то, что Россия не включена в число государств, могущих вступать в Международный совет исследований (Conseil international de recherches), статутом этого совета, действие которого определено до 1931 г., представители центрального бюро Союза геодезии и геофизики, президент и генеральный секретарь его проф. Rothe (Страсбург), Zalemant (Париж, академия), Lyons⁶³ (Музей наук, Лондон) и проф. Н. Turner (Отдел сейсмологии) сейчас же снеслись с генеральным секретарем du Conseil de recherches проф. Shuster'ом⁶⁴ (известный астроном, Лондон) и в скором времени прислали в академию официальное уведомление, в котором пишут: «Heureux de l'occasion qui l'offre ainsi de renouer, avec la plus haute institution scientifique de Russie des relations, depuis trop longtemps interrompues, nous exprimons de vous adresser avec cette lettre, un exemplaire de Statut de notre Union ainsi que du Conseil international de recherches, auquel il vous faudrait adhérer en même temps»⁶⁵.

Далее они просят как можно скорее сообщить список членов национального комитета геодезии и геофизики, который, по примеру всех других стран, входящих в союз, должен быть образован у нас и через посредство которого академия должна связаться как с международным Союзом геодезии и геофизики, так и с Международным советом.

Участие в Международном совете требует ежегодного взноса в 2000 франков, участие в Союзе геодезии и геофизики — ежегодного взноса в 20 800 франков, т.е. в общем около 3000 рублей золотом в год⁶⁶.

Признавая вступление в указанные международные организации делом первостепенной важности, в котором заинтересована не только Российская академия наук, но и многие другие ученые учреждения СССР, в такой же мере и высшие правительственные ор-

---

⁶³ Lyons Henry (1864–1944) — английский ученый, военный инженер, администратор и директор Метеорологической службы. — URL: <https://collection.sciencemuseumgroup.org.uk/people/ap25250/lyons-henry> (дата обращения 05.02.2025).

⁶⁴ Schuster Franz Arthur Friedrich, Sir (1851–1934) — английский физик, в 1919–1920 гг. — избранный вице-президент Королевского общества. Посвящен в рыцари Георгом V.

⁶⁵ «Обрадованные возможностью возобновить прерванные уже давно отношения с высшим научным учреждением России, спешим послать Вам вместе с настоящим письмом копию Устава нашего союза и Международного совета исследований, в которые Вам следует одновременно вступить» (*фр.*).

⁶⁶ Так как взнос, а также и число голосов в совете определяется числом единиц населения страны. Число жителей населения, принимаемых за единицу, 5 000 000, взнос за каждую единицу — 250 франков в год. Страны с населением больше 20 000 000 [жителей] имеют пять голосов и делают взнос 8 единиц. Более пяти голосов никакой стране не предоставляется (сноска В.А. Стеклова).

ганы СССР, академия пришла к убеждению, что дело это необходимо вести при содействии Комитета науки, который, в силу уже одних вышеизложенных обстоятельств, должен быть реорганизован в Постоянный комитет науки при Совнаркоме СССР, ибо здесь идет дело уже не о внутренних частных нуждах ученых учреждений РСФСР, одной из составляющих союза республик, но о всей их совокупности.

Только такой постоянно действующий комитет, имеющий авторитет и в научных, и в правительственных кругах СССР, и может оказать существенную помощь этому делу, развитие которого существенно важно и для науки, и для хозяйственного строительства страны, и с точки зрения более широких общегосударственных интересов.

При содействии и по поручению такого комитета Академия наук могла бы вступать в международные организации не как отдельное учреждение, а как представительница союзных республик, т.е. не только она одна, но и само государство СССР вошло бы в число стран, объединяемых в Международный совет и различные союзы.

Здесь Постоянный комитет науки при СНК СССР мог бы сыграть крупнейшую роль в деле культурного сближения народов.

По этой одной причине Российская академия наук, стоя на точке зрения общегосударственных интересов, не сочла удобным отдельно от своего имени и на свои средства вести дело, что фактически легко исполнимо, но обращается к представителям высших правительственных органов страны и прежде всего к председателю СНК СССР и РСФСР с пожеланием осуществить это дело в общегосударственном масштабе, считая, что наилучшим исполнителем его мог бы быть Постоянный комитет науки при Совнаркоме СССР.

С осуществлением этого дела связан ряд важнейших вопросов научного и прикладного характера, которые возникают и будут постоянно возникать при текущей работе по сейсмологии, метеорологии, аэрологии, гидрологии, геодезии и вообще геофизике, астрономии и будут затрагивать коренные практические интересы всех республик, входящих в Союз ССР. Объединять, регулировать все разнообразные интересы этих составляющих республик, не имеющих одного объединяющего органа по вопросам науки и ее практических приложений, может только орган, в состав которого входят выдающиеся представители науки и представители высшей власти СССР.

Без такого правительственного органа, непосредственно связывающего науку с представителями власти, органа, обладающего известными полномочиями, способного объективно охватить всё

разнообразии интересов на громадной территории и регулировать их, работа может встретить неодолимые затруднения, и Россия, вступившая на путь культурного объединения народов участием в международных исследовательских организациях, может оказаться не на высоте положения, а «на поприще ума», как говорил наш гениальный Ломоносов, «нельзя нам отступить».

Думается, что этих одних соображений достаточно, чтобы признать необходимым учреждение особого, но не временного, а Постоянного комитета науки и притом при Совнаркомех СССР.

Общие задачи того комитета можно формулировать примерно следующим образом:

1) Объединять и регулировать деятельность ученых учреждений различных республик Союза в научных исследованиях, имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза СССР.

2) Содействовать осуществлению различных мероприятий научно-практического характера, затрагивающих жизненные интересы всего Союза, и организации таковых в его отдельных частях СССР, вносимых на рассмотрение комитета Госпланом СССР.

3) Входить в высшие государственные органы с представлениями об организации новых предприятий, вызываемых потребностями науки и жизни, затрагивающих общие интересы всех республик Союза или отдельных его составляющих.

4) Организовать исследовательские работы в тех частях Союза, где не имеется соответствующих учреждений или научного кадра работников.

5) Организовать при помощи компетентных научных учреждений особые комитеты исследований общесоюзного характера, которые могли бы вступать в международные союзы и ассоциации.

6) Оказывать этим Комитетам содействие и поддержку в их работах международного характера и содействовать их начинаниям, могущим оказать влияние на развитие науки и ее приложений в международном масштабе.

Развитие этих общих положений, более точная их формулировка, состав комитета и дальнейшие подробности этой организации должны быть выяснены на ближайшем заседании ныне существующего Комитета науки и затем внесены на утверждение Совета народных комиссаров СССР.

Само собой разумеется, что предполагаемый Комитет науки не должен касаться вопросов просвещения, лежащих в ведении учебных учреждений различных республик Союза, т.е. вопросов

педагогических, так как педагогические задачи, тесно связанные с особенностями уклада жизни и быта отдельных республик, не могут регулироваться повсюду одинаковыми нормами. В сферу же действия Постоянного комитета науки будут входить лишь задачи научного характера и притом имеющие всесоюзное и международное значение, не затрагивающие и частную текущую работу отдельных научных учреждений, входящую в круг их специального ведения.

Вице-президент Российской Академии наук
академик В. Стеклов

Москва «21» февраля 1924 г.

СПбФ АРАН. Л. 90–93 об.⁶⁷

Копия. Москва, Кремль, 26 февраля 1924 г.

в[есьма] срочно

СССР. Совет народных комиссаров

26-го февраля [19]24 г.

№ 946/СНК

**Председателю Совета народных комиссаров СССР
тов. Рыкову А.И.**

По поводу докладной записки академика Стеклова о Комитете науки считаю необходимым высказать следующие соображения.

Основным мотивом в пользу создания общесоюзного Комитета науки, согласно докладной записке, является необходимость вступления Союза как единого целого в сношения с международными научными организациями. Необходимость такого общения не нуждается в доказательствах, но вряд ли для него необходимы те организационные формы, которые предлагаются в докладной записке и которые, безусловно, выпирают из рамок Конституции Союза ССР.

По Конституция Союза ССР (ст. 1 п. «с») к компетенции Союза относится лишь установление общих начал в области народного просвещения. Можно ли под это подвести образование специального органа при СНК СССР с теми задачами, которые перечислены в докладной записке (объединение и регулирование деятельности ученых учреждений различных республик Союза в научных исследованиях; содействие осуществлению различных мероприятий научно-практического характера, затрагивающих интересы всего Союза;

---

⁶⁷ То же самое — на л. 106–112, 201–205 об. в копиях, но от 22 февраля 1924 г., которые и были отправлены. Из версии 21 февраля 1924 г. В.А. Стеклов вычеркнул только один абзац. Здесь публикуется полный изначальный вариант.

вхождение в высшие органы СССР с представлениями о мероприятиях, вызываемых потребностями науки и т.д.)?

Как ни заманчиво образование такого органа и как ни плодотворно оно могло бы оказаться, необходимо признать, что перечисленные функции придают Комитету науки характер объединенного Наркомпроса. Несомненно, отсутствие объединенного Наркомпроса связано со многими неудобствами и дефектами; но ведь это — одно из коренных положений Конституции Союза, и не следует забывать, что сессией ЦИК СССР были исключены из всех положений даже совещания необъединенных наркоматов как институт, являющийся суррогатом объединенного Наркомпроса. Таким образом, на вопрос о конституционной правильности организации постоянного Комитета науки при СНК СССР приходится ответить отрицательно.

Что же касается участия Союза ССР в международных научных организациях, я думаю, что, если даже признать неудобным самостоятельное выступление в этой области каждой из союзных республик, вопрос разрешим и без организации общесоюзного Комитета науки. Практически вопрос сводится к тому, чтобы Академия наук могла вступать в международные организации не только как представительница РСФСР, но и как представительница союзных республик. Я полагаю, что такой мандат на представительство научных интересов союзных республик в международных сношениях с союзными республиками [может быть дан] Российской академии наук, [и это решение не противоречило бы]⁶⁸ союзной Конституции и могло бы быть проведено и без специального общесоюзного органа вроде Комитета науки.

Редактор-консультант СНК и СТО СССР

Бернштейн

С подлинным верно

СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 213–213 об.

Записка В.А. Стеклова к Б.П. Нестерову

Отрицательное заключение тов. Бернштейна относительно конституционной правильности организации постоянного Комитета науки при СНК СССР объясняется, на мой взгляд, в основе неправильным подходом к рассматриваемому вопросу. Задачи предполагаемого комитета отнюдь не входят в область народного просвещения, находящуюся в ведении Наркомпросов, и, конечно, под ст. 1 п. «с» Конституции Союза СССР не подходят, ибо перечисленные в отзыве

---

⁶⁸ Текст размыт чем-то пролитым на него.

тов. Бернштейна функции, если их сформулировать более точно и подробно, сами выходят из круга ведения Наркомпроса. Если сказать: «Объединение и регулирование деятельности ученых учреждений различных республик Союза в научных исследованиях», — то получается видимость функции, непосредственно связанной с вопросами просвещения, т.е. Наркомпроса.

Но речь идет не просто о научных исследованиях, но, как сказано в записке, «об исследованиях, имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза ССР».

Такого рода исследования выходят из ведомства Наркомпроса и носят характер вне- или междуведомственный, затрагивают по преимуществу интересы других наркоматов, как, например, ВСНХ, НКПС⁶⁹, Военного ведомства и т.п.

Исследования, например, в области Курской магнитной аномалии, будучи научными, и в настоящее время не входят в круг деятельности Наркомпросов, а ведаются ВСНХ. Изучение интермиттенции минеральных источников по методам сейсмологии отнюдь не касаются Наркомпросов, а составляют заботу Горного управления. Изучение спасательного дела в Донбассе, также основанное на научных данных сейсмологии и геологии, не принадлежит Наркомпросу. Организация экспедиций по исследованию минеральных богатств СССР (платины, угля и др. полезных ископаемых) совершается в Госплане СССР. Сюда же относятся вопросы картографии, геодезии и т.п., которыми заинтересованы по преимуществу отделы Военного ведомства. Исследования о сотрясении почвы при прокладке рельсовых путей, при постройке мостовых ферм и пр. хотя и ведутся научными работниками и на основе научных данных, но входят в круг работ НКПС, выходя из пределов текущей научной работы ученых учреждений, как учреждения Наркомпроса. Таких примеров можно привести сколько угодно, и лишь о такого рода исследованиях и идет речь в записке. Регулирование такого рода работ, производимых на всей территории СССР и выходящих из компетенций отдельных (необъединенных) Наркомпросов Союза, возможно только для особого общесоюзного органа.

Точно также и в п. 3 записки имеются в виду такие мероприятия, которые затрагивают не только интересы науки, но и ЖИЗНИ. Здесь, быть может, весьма кратко и потому недостаточно ясно одним словом «и ЖИЗНИ» хотелось охарактеризовать мероприятия указанно-

---

⁶⁹ Народный комиссариат путей сообщения.

го выше типа, а не те, которые относятся непосредственно к области просвещения.

В конце записки это обстоятельство подчеркнуто особо, во избежание недоразумений. Даже самый ход суждений записки показывает, что вопрос ставится не только в общесоюзном, но и общемировом масштабе в прямой связи с деятельностью международных союзов, возникших или особо развившихся в настоящее время, что определено указывается в п.п. 5 и 6.

Функции предполагаемого комитета, определяемые этими пунктами, совершенно лишают его характера объединенного Наркомпроса, который ни в коем случае не мог бы взять на себя их выполнение, если бы и [имело место его] существование.

Именно на почве согласования такого рода задач международного характера во всех областях территории СССР, которые будут неизбежно возникать при вступлении СССР в международные организации, и будут возникать те вопросы общесоюзного значения для СССР, о которых упоминается в п.п. 1,2,3 и 4 записки, т.е. на почве задач, ни в какой мере не носящих ведомственного характера Наркомпросов республик.

Поэтому и предполагаемый комитет характера объединенного Наркомпроса отнюдь не может иметь и не должен иметь. Эта мысль лежит на основе предполагаемого проекта и, быть может, только недостаточно выражена.

Записка не касается подробностей, а представляет лишь предварительный, эскизный характер; поэтому в ней не говорится, например, о составе такого комитета.

Считаю нужным дополнить, что в состав предполагаемого комитета даже не предполагается включить представителей наркоматов (от правительства), за которыми Конституцией не признано общесоюзного значения, именно для того, чтобы придумать комитету исключительно общесоюзное значение, каковым он должен быть по существу дела.

В этот Комитет должны входить только: представитель СНК СССР (его председатель), представители: ВСНХ, НКФ⁷⁰, НКПС, Военкома и Госплана СССР, а представителями науки должны быть назначены выдающиеся представители ее от всех республик Союза в небольшом числе и со строгим выбором, ибо комитет должен, по проекту, преследовать задачи главным образом практического характера и притом широкого, не только общесоюзного, но, как уже

---

⁷⁰ Народный комиссариат финансов.

сказано, и международного характера, и это последнее по преимуществу.

При таком положении дела противоречие с основными положениями Конституции СССР и особенно со ст. 1 п. «с» совершенно исключается, и тем большее значение приобретает замечание тов. Бернштейна, что образование комитета в той его конструкции, какая имеется в виду в записке, представляется не только заманчивым, но окажется до чрезвычайности плодотворным.

Добавлю еще следующее. Записка предполагает создание такого органа при СНК СССР, но не настаивает безусловно на таком предложении. Быть может, удобнее было бы организовать Постоянный комитет науки при ЦИК СССР.

Возможность такой организации подтверждается, например, тем, что, по сообщению газет, Л.Б. Каменев входил уже в ЦИК с докладом о желательности образования при ЦИК особой Комиссии по культурному сближению народов.

Предполагаемый комитет имеет в виду преимущественно эту же самую цель, но ставит ее на чисто деловую почву задач практического характера, касающихся преимущественно вопросов физико-механического характера (геология, минералогия, сейсмология, аэрология, земной магнетизм и электричество, гидрология, физика, геофизика вообще и т.д.).

Задачи, которые ставил тов. Каменев, еще шире и заключают в себе перечисленные как частный случай. И если осуществление последних при ЦИК СССР вполне согласуется с Конституцией СССР, то тем более согласуются с ней задачи и устройство предполагаемого запиской комитета.

Что касается предположения тов. Бернштейна о возможности для Российской академии наук вступать в международные организации в качестве представителя не только от РСФСР, но и от СССР, то, во-первых, речь идет не только об одной Академии наук, а многих других учреждениях, несомненно, носящих общесоюзный характер, а, во-вторых, хотя с теоретической точки зрения и нельзя возражать и против такого, хотя и частично только (далеко не полного) решения поднимаемого вопроса, но практически такое решение едва ли осуществимо и только крайне затянет осуществление живого, не терпящего отлагательства дела.

Замечу, наконец, что в настоящее время комитеты исследований созданы почти во всех странах мира и ни в какой формальной связи с министерствами просвещения не находятся. Даже Международный

комитет исследований⁷¹, объединяющий все исследования в области физико-математических наук, ни в какой мере не захватывает функции министерства просвещения, и ни одно из таких министерств всего мира не усматривает в нем характера международного органа просвещения.

Рукописно: «Верно: Шапошникова»
СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 95–99.

References

Armashova A.V., Maksimova D.D., Maksimova O.D., Okuneva M.O. *Pravovaya politika sovetskogo gosudarstva v sfere razvitiya nauki* [The Legal Policy of the Soviet State in the Sphere of the Development of Science]. Moscow: URSS, 2023. 432 p.

Bastrakova M.S. *Stanovlenie sovetskoy sistemy organizatsii nauki (1917–1922)* [The Formation of the Soviet System for the Organization of Science (1917–1922)]. Moscow: Nauka, 1973. 294 p.

Demidov S.S. *Vladimir Steklov — matematik na rubezhe epoch* [Vladimir Steklov: A Mathematician at the Turn of an Era] // *Trudy Matematicheskogo instituta imeni V.A. Steklova* [Proceedings of the Steklov Institute of Mathematics]. Vol. 289. Moscow: Nauka, 2015. P. 17–30.

Esakov V.D. *Ot imperatorskoy k Rossiyskoy. Akademiya nauk v 1917 g.* [From Imperial to Russian: The Academy of Sciences in 1917] // *Otechestvennaya istoriya*. 1994. N 6. P. 120–132.

Gladysheva A.I. *Nauchno-tehnicheskaya politika SSSR 1950–1960-kh gg.: ot problemy vnedreniya k popytkam sistemnogo reformirovaniya* [The Scientific and Technical Policy of the USSR in the 1950s–1960s: From the Problem of Implementation to Attempts at Systemic Reform] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2022. Vol. 13. N 4 (114). — URL: <https://history.jes.su/s207987840021221-2-1/>
Ignatsius G.I. *Vladimir Andreevich Steklov. 1864–1926*. Moscow: Nauka, 1967. 212 p.

Kolchinskiy E.I. *Sovetizatsiya nauki v gody NEPa (1922–1927): poslerevolnyut-sionnyy krizis i poisk form sotrudnichestva* [The Sovietization of Science in the Years of the NEP (1922–1927): The Post-Revolutionary Crisis and the Search for Forms of Cooperation] // *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical-Comparative Essays] / Ed. by E.I. Kolchinskiy. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. P. 440–549.

Kolchinskiy E.I., Sinel'nikova E.F. *Samoorganizatsiya rossiyskoy nauki v gody krizisa: 1917–1922 gg.* [The Self-Organization of Russian Science in Years of Crisis: 1917–1922]. Saint Petersburg: Skifiya Print, 2020. 273 p.

Kol'tsov A.V. *Akademik V.A. Steklov — vitse-prezident Akademii nauk SSSR* [Academician V.A. Steklov as Vice-President of the Academy of Sciences of the USSR] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1959. Issue 7. P. 107–112.

---

⁷¹ Далее было оставлено место для иностранного названия, которое использовал Стеклов — Conseil international de recherches (*фр.*).

Kol'tsov A.V. *Lenin i stanovlenie Akademii nauk kak tsentra sovetsoy nauki* [Lenin and the Formation of the Academy of Sciences as the Center of Soviet Science]. Leningrad: Nauka, 1969. 280 p.

Kol'tsov A.V. *Neravnopravnyy brak po raschetu* [An Unequal Marriage of Convenience] // *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical-Comparative Essays] / Ed. by E.I. Kolchinskiy. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. P. 480–499.

Kozlov V.V., Pavlov V.P., Sergeev A.G. V.A. Steklov (1863–1926) // *Trudy Matematicheskogo instituta imeni V.A. Steklova* [Proceedings of the Steklov Institute of Mathematics]. Vol. 289. Moscow: Nauka, 2015. P. 7–16.

Letopis' Rossiyskoy akademii nauk [Chronicle of the Russian Academy of Sciences]. Vol. IV. 1901–1934 / Ed. by E.I. Kolchinskiy, G.I. Smagina. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 1050 p.

Limanova S.A. “*Nastala, kazhetsya, pora voploshchat' v zhizn'... slova o pervenstvuyushchem znachenii nauki dlya preuspeyania narodnoy zhizni*”. *Dokumenty o prazdnovanii 200-letiya Rossiyskoy akademii nauk v 1925 g.* [“The Time Has Come, It Seems, to Put into Practice... the Words about the Preeminent Importance of Science for the Prosperity of National Life”. Documents on the Celebration of the 200th Anniversary of the Russian Academy of Sciences in 1925] // *Otechestvennye arkhivy*. 2024. N 2. P. 81–89.

Makeeva V.N. *Komitet nauki pri Sovnarkome v 1922–1924 gg. (neopublikovannyye dokumenty)* [The Committee for Science under the Council of People's Commissars in 1922–1924 (Unpublished Documents)] // *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1966. N 5. P. 110–114.

Okuneva M.O. “*Interesy nauchnykh issledovaniy otdel'nykh chastey Soyuzha budut polnost'yu obespecheny*”: *Konstitutsiya 1924 g. i upravlenie sovetsoy naukoy* [“The Interests of Scientific Research in the Various Parts of the Union Will Be Fully Safeguarded”: The 1924 Constitution and the Governance of Soviet Science] // *Neprikosnovennyy zapas*. 2024. N 6 (158). P. 121–132.

Tsyapkina A.G. *Preniya o vsesoyuznom statuse Rossiyskoy akademii nauk (1925)* [Debates on the All-Union Status of the Russian Academy of Sciences (1925)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2024. N 6. P. 95–102.

Tsyapkina A.G. *Prezidenty AN SSSR o razvitii nauki i promyshlennosti* [Presidents of the Academy of Sciences of the USSR on the Development of Science and Industry] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. 2023. Vol. 14. N 11 (133). — URL: <https://history.jes.su/s207987840029135-7-1/>

Vladimirov V.S., Markush I.I. *Vladimir Andreevich Steklov — uchenyy i organizator nauki* [Vladimir Andreevich Steklov: Scholar and Organizer of Science]. Moscow: Nauka, 1981. 95 p.

Поступила в редакцию
1 марта 2025 г.